

Элизабет К.

Стремление рисковать — последний серьезный
изъян рода человеческого. Выходим из тьмы, во тьму
возвращаемся. Для чего же и жить во тьме?

Джон Фаулз. Волхв
(перевод Б. Кузьминского)

Тесса собралась на несколько минут раньше и теперь стояла на пороге, наслаждаясь вечерним ветерком. Еще не вполне стемнело, и ей казалось, что она уже много лет не находила времени полюбоваться такими красочными нежно-голубыми сумерками. Похожими на знак, на обещание, что все лучшее — впереди. Ее рука невольно потянулась к животу.

На тихой улице слышно было, как соседская девочка разучивает на фортепиано бетховенскую «Лунную сонату». Ее исполнение значительно улучшилось. Еще несколько месяцев назад она то и дело спотыкалась, теперь же музыка лилась естественным потоком. Улицу осветили фары, и к дому Тессы подъехал матово-черный «мерседес». Ровно в назначенное время. Из машины вышел водитель в элегантном темном костюме и темных же очках и направился к дому.

— Мисс Кляйн?

— Просто Тесса.

Он спросил, можно ли взять ее чемодан, и она заметила свое отражение в стеклах его очков. Усмешку в своем взгляде: ей редко задавали подобные вопросы. Она последовала за водителем к машине. Тот придержал ей дверцу, убрал чемодан в багажник, затем сел за руль и поинтересовался, явно улавливая шутку:

— Куда едем?

— Пусть будет сюрприз. — Губы Тессы расплылись в улыбке.

Водитель кивнул в зеркало заднего вида и выехал на дорогу. Тесса смотрела на дома, светящиеся окна с остающимися за ними людскими судьбами. Веки потяжелели, сомкнулись... Когда она снова открыла глаза, за окном было совсем темно. «Мерседес» свернул на узкую проселочную дорогу; под колесами захрустел гравий. Впереди показался маленький коттедж с темными окнами. Водитель подрулил к нему и выключил зажигание.

— Вот и сюрприз.

В наступившей тишине Тесса слышала свое дыхание. Водитель вышел из машины, достал чемодан из багажника, открыл дверцу.

Потом включил фонарик, и они пошли к дому.

— Ищем кактус, — сказал водитель, обследуя цветочные горшки вдоль стены.

Тесса приподняла один и нашла под ним ключ. Дверь открылась со звуком, похожим на вдох, будто бы дом все это время задерживал дыхание. Тесса нащупала рукой выключателя, нажала все подряд. Лампочки были энергосберегающие. Именно такие она и предпочитала. Тесса улыбнулась при мысли, что, возможно, их поставили специально для нее. Мягкий свет не доставал до углов, отчего комната казалась больше, чем на самом деле. Просторная, с открытой планировкой, совмещенной кухней и гостиной. Потолок пересекали широкие деревянные балки. Тесса ненадолго забыла о присутствии водителя и обернулась на вежливое покашливание:

— Извините. Да, поставьте куда-нибудь.

Водитель прошел в комнату и поставил чемодан у дивана.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила Тесса, заходя на кухню. — Правда, я не знаю, где здесь что. Наверное, надо подождать его светлость.

Водитель не ответил. Тесса снова повернулась к нему. Он стоял гораздо ближе, чем ей казалось. Как ему удалось подойти так тихо?

— Боюсь, он не приедет.

Тесса отшагнула от него:

— Какая-то проблема?

— Можно и так сказать. — Выражение глаз водителя скрывали темные очки. — Все кончено, мисс Кляйн.

— Ладно, — сказала она, вновь заметив свое отражение в стеклах очков; теперь в нем сквозил испуг. — Ладно, тогда я поеду домой, — как можно спокойнее произнесла она.

— Все кончено, — повторил водитель так, будто эти слова все объясняли.

— Вы не поняли. — Тесса с облегчением улыбнулась; ей в голову пришел ответ. — Мы были вместе, вчера... — Она вспомнила, как их тела сплетались на полу в его кабинете, как она положила голову ему на грудь, прислушиваясь к биению его сердца, будто подбирала код к сейфу... — Я беременна.

— Вот именно, — подтвердил водитель, словно благодаря ее за то, что она первая затронула щекотливую тему. — Поэтому просто сядьте. — Он указал на стул у письменного стола. — Сделаете кое-что, и мы в расчете. Я сяду здесь. — Он коснулся дальнего стула.

— Спасибо, я лучше постою.

— Хорошо. Тогда я тоже. — Водитель достал из кармана ручку и лист бумаги и положил их на стол. Потом подвинул ей, и она поняла, что они взяты из ее дома.

— Нужно, чтобы вы кое-что написали.

— Если это насчет ребенка...

— Нет-нет, — заверил он. — Берите ручку, все очень просто.

Не отрывая от него взгляда, Тесса взяла ручку.

— Хорошо. А теперь напишите вот это. — Водитель достал из другого кармана листок бумаги с напечатанным текстом и подвинул его Тессе по столу.

Она прочла начало и отшатнулась, прикрыв рот рукой.

— Дайте мне поговорить с ним.

Водитель не шевельнулся.

— Я не стану это писать. Ни за что.

Водитель снял очки и посмотрел на нее с таким сочувствием, будто ей удалось его разжалобить. Потом достал из кармана какую-то штуку. Кусачки.

— Извините. — Он снова пошарил в карманах. — А, вот оно. — Он опустил на стол тяжелый конверт.

— Деньги? — с недоверчивым облегчением спросила Тесса. — Откупиться от меня хочет?

Водитель молча ждал, не глядя на нее. Тесса открыла конверт и высыпала содержимое на стол.

Глянцевые фотографии.

На первой — ее мать за работой в магазине. На второй — отец за рулем своей машины. На остальных — сестра с мужем и их малыши: Сара и Макс. На трех последних снова племянники, спящие в кроватках. Тесса подняла взгляд, не в силах ни говорить, ни дышать.

— Во всем этом есть и положительный момент, — произнес водитель. — Вы можете спасти им жизнь, Тесса. Одной запиской.

— Я вам не верю, — сказала она, задыхаясь. — Я не...

Водитель достал из кармана телефон, пролистнул что-то на экране, подвинул ей по столу. Тесса увидела домашний номер телефона сестры, по которому не звонила много лет. От прилива адреналина задрожали пальцы, но она нажала «вызов», смело глядя в лицо водителю. Трубку сняли сразу же.

— Приняли решение? — спросил незнакомый мужской голос.

— Кто вы?

— Вас должно интересовать, где я. И где буду, когда ваша сестра с детьми вернется домой через десять минут. Пишите записку, Тесса. Не знаю, как еще облегчить их участь. — Трубку положили.

Телефон в руке Тессы внезапно стал скользким. Она выронила его, огляделась, опустила на стул и вытерла влажную ладонь о блузку. Неровным почерком списала две строчки, на третьей задержалась.

«Не ищите меня, — говорилось в ней. — Я устроила все так, что мое тело никогда не найдут».

Как можно медленнее она вывела последнюю строчку и подписала записку первой буквой имени. Подняла взгляд. Водитель стоял совсем близко, почти у нее за спиной.

— Меня будут искать, — сказала Тесса.

— Но не найдут. — Водитель огладил ее плечи. — Со всем ничего. Это из-за ребенка. Еще выведет на него, а он... Он человек семейный.

Тесса неотрывно глядела в пустоту комнаты. Ей чудились звуки пианино вдалеке.

— Слышите? — Она подняла руку и прислушалась.

— Людям часто что-нибудь мерещится, — ответил водитель. — Что вы слышите?

— Бетховена, — ответила она, переводя взгляд на кушачки. — «Лунную сонату».

Водитель взял ее за плечи. Она посмотрела на него и попыталась улыбнуться. Он сжал ей плечи, будто по-дружески, и улыбнулся в ответ:

— Это ли не чудо?

I ЛЮДИ НОЧИ¹

¹ «Night People» — композиция американской постметал-группы *Deafhaven* с четвертого студийного альбома «Ordinary Corrupt Human Love» (2018). — *Здесь и далее примеч. перев.*

Позже эти выходные назовут пропащими. Из-за верных отключений целые районы города остались без электричества с обеда пятницы до вечера субботы, и центр города на это время вновь стал волнующе-незнакомым. Без подсветки небоскребов, без уличных фонарей, кричащих витрин и фасадов к людям вернулась непосредственность, которой они были лишены еще несколько часов назад. Старики сподобились выйти дальше двора и говорили, что вон, мол, созвездия, которые не было видно десятилетиями, а подростки стайками шастали по улицам, несмотря на комендантский час, и пугали друг друга, светя фонариком телефона в лицо. Когда электричество включилось, город вновь засиял, ослепив огнями прохожих, словно зрителей яркого бродвейского шоу. Чувствовалось какое-то всеобщее воодушевление. Люди будто впервые увидели друг друга и старались с максимальной пользой расходовать ценное отпущенное им время.

В темноте возникло ощущение, что можно легко исчезнуть или родиться заново — просто перейдя из старой жизни в новую. Пока я шел на работу, это чувство казалось мне всеобщим, разлитым в воздухе, но на самом деле оно было только моим. Больше тридцати ночей кряду я сидел в больнице Святой Марии рядом с Окс-

форд-роуд и наблюдал за тем, как умирает серийный убийца.

Когда дали свет, я как раз был там.

Маленькая палата в пустом коридоре, только я и Мартин Вик. Он был привязан к койке, от слабости не смог бы стоять, да даже рукой помахать бы мне не смог, если бы захотел. Тощие руки еле двигались и худели так быстро, что сдерживающие их ремни каждое утро приходилось затягивать заново. Так что и без света не было нужды приглядывать за ним и беспокоиться. Вот только за несколько секунд до включения резервного генератора мне показалось, что я его вижу.

В темноте он всегда виделся отчетливее.

Его глаза будто светились изнутри холодным пламенем, которое грозило не угаснуть и после того, как жизнь покинет тело. К моему облегчению, электричество вернулось, и палату наполнил приглушенный свет.

Я поднял взгляд. Мартин Вик улыбался.

Он сказал, что не помнит, как убивал. Отсюда и прозвище. Никто не поверил тому, что он якобы уже очнулся весь в крови. Газетные заголовки, статьи, сайты, называющие его Лунатиком, исходили сарказмом. Даже тем, кто не знал о его преступлении, становилось не по себе в его присутствии. Однажды новенькая медсестра сказала, что над ним будто висит проклятье, однако она явно была не в курсе всей истории.

Проклятье уже сработало.

Сбило его с пути много лет назад и завело в дебри. Для таких, как Мартин Вик, не было дороги назад, к людям. Если верить ему, он не имел понятия, как получилось, что он окончательно заплутал в жизни и оказался привязанным к больничной койке. И как вообще сюда попал.

Это если верить.

Несмотря на внутренний блеск, глаза его были безжизненными, черными, двигались медленно. Иногда он спал с широко открытыми глазами. Зрачки сливались с радужкой, так что не поймешь, куда он смотрит: то ли перед собой, то ли прямо на тебя. Иногда казалось, что ни туда и ни сюда, а иногда — что сразу всюду. А когда его взгляд останавливался на моем лице, появлялось ощущение, что за мной наблюдает скрытая камера и некто в голове Вика медленно, кадр за кадром, просматривает запись в поисках уязвимого места.

Моя работа заключалась в том, чтобы сидеть возле него по десять часов кряду на случай, если он что-нибудь скажет или сделает, и записывать каждое движение. Иногда он молчал все дежурство. Так молчат, когда пытаются не выдать какую-то тайну, — будто сжимаешь в кармане мелочь, идя по неблагополучному району. Вот он и старался не звякнуть, чтобы унести секреты с собой в могилу.

На самом деле он просто выжидал.

Примерно через час я краем глаза уловил какое-то движение и оторвался от книжки. Вик потянулся за блокнотом. Взял ручку и, скривившись оттого, что ремень удерживает руку, что-то написал. Почерк у него был мельчайший, и если бы я не читал расшифровку его признания с едва заметной подписью на каждой странице, то подумал бы, что головоломные записки нужны лишь для того, чтобы сдернуть меня с места.

— Не вставай, я подойду, — пошутил я, закладывая страницу в книгу.

В свете больничных ламп лицо Мартина Вика казалось совсем белым. «Белее спермы Гитлера», по выражению Сатти. Результат двенадцати лет непрерывного курения в тюрьме особо строгого режима и последовавшего за этим диагноза «рак легких». Лицо Вика

напоминало лоскут старой ветоши, а кожа стала тоньше древнего пергамента. Под ней скрывалось нечто вовсе неприглядное. Одно легкое ему удалили, а второе было пронизано узлами опухоли — очевидно, потому, что до заключения в «Стренджуэйз» он работал в шарашке по удалению асбеста.

Вик заканчивал писать, а я смотрел на кардиомонитор. Остроконечные пики и впадины на экране напоминали полиграмму с результатами проваленной проверки на детекторе лжи. Наконец Вик бессильно уронил ручку на кровать. От блокнота меня слегка ударило током. Постель странным образом электризовалась от любого движения Вика, будто по его телу циркулировала опасная энергия, а не просто дурные флюиды. Меня не покидало ощущение, что он каждый раз пытается передать ее мне.

В блокноте было очень мелко и без отрыва написано «Сати». Я бросил его на одеяло, чтобы не касаться Вика, и направился к двери. Я сменил на посту Сатти — моего начальника — всего час назад, но указания были четкими. Пока Вик не освободит палату навсегда, он получает все, что просит.

— Надеюсь, у тебя действительно есть что ему сказать, Мартин, — пробормотал я, открывая дверь.

— Какая разница?

Я обернулся. Более чем за месяц Мартин Вик ни разу со мной толком не заговорил. Он ухитрился сдвинуть кислородную маску; блестящие черные глаза смотрели то ли в потолок, то ли прямо на меня. Может, ни туда и ни сюда, а может — сразу всюду.

Он покашлял, прочищая единственное легкое, потом произнес натужным шепотом:

— Пусти свою жизнь под откос, сынок... Все зазря...

Я поглядел на его лицо, покрывшееся испариной от усилий, потом кивнул и вышел. По пути к посту охраны

невольно вытер ладони о брюки, думая про заразные искры и гадая, не почудились ли мне слова.

Уже много недель мне казалось, что я и не сплю, и не бодрствую. Всякий раз, заступая на дежурство, я будто впадал в анабиоз или во временное помешательство. Так что когда свет снова погас, я продолжал идти по стенке. Охранник обернулся, ослепив меня светом фонарика, пристегнутого к винтовке «Хеклер и Кох», но я не испугался. Как был, так и остался беспомощным, блуждающим в темноте.

Видеозапись ареста Мартина Вика я видел всего один раз, несколько лет назад, но она произвела на меня сильное впечатление. Все произошло ранним утром, примерно за час до рассвета. Сначала полная темнота, потом дверь вокзала закрылась, и на фоне серого фасада обозначился силуэт Вика.

Голова и плечи поникли, как у тряпичной куклы. Он вышел на свет, подволакивая ногу. Вся одежда казалась черной, и даже при плохом качестве записи стало видно, что пуговицы куртки застегнуты криво, из-за чего она сидела мешком и сбилась на одно плечо. Дерганой походкой Вик прошел по безлюдному залу к пустой билетной кассе.

Зернистое изображение с камеры за кассой соответствовало ситуации. Вика будто окружало облако статического электричества, дымка, размывающая силуэт по краям. Затем он вышел под грязновато-желтый свет ламп и полностью очутился в кадре. Воротник рубашки загнут, один рукав куртки засучен, другой вытянут, штанины перекручены — швы криво тянутся по ногам.

И вроде бы на нем был только один ботинок.

Растянутый, мокрый носок на правой ноге оставлял на полу красные следы. У кассы стало видно, что вся одежда блестит от влаги и как-то странно прилипла к телу. Призрачный и далекий синий свет мигалок, воз-

никший у него за спиной, приближался, пульсировал в окнах.

Мартин Вик поднял голову и с бессмысленным выражением уставился на окошко кассы. Затем его взгляд переместился на собственное отражение в оргстекле, и он шагнул назад. Лицо его исказилось от ужаса, будто один ночной кошмар сменился другим. Он отшатнулся от своего отражения и случайно взглянул в камеру, которая до этого засняла его путь по залу.

Позже этот взгляд станет темой бесконечных дискуссий.

Было ли это реакцией невинного человека, не осознававшего, где он и что делает, или расчетливыми действиями психопата, стремящегося официально задокументировать свой спектакль? Вик осел на пол и лежал, подрагивая и пуская пену изо рта.

Спустя несколько часов полиция обнаружила убитую семью в доме с распахнутой дверью.

Мартин Вик прошел по городу в одежде, пропитанной кровью пятерых, и следующие двенадцать лет провел в тюрьме «Стренджуэйз».

Но этого было недостаточно.

Э

Детектив-инспектор Сатклифф не брал трубку, но отыскался в первом же месте, куда я заглянул. «Темпл» был маленьким подвальным баром под Грейт-Бриджуотер-стрит, всего в двадцати минутах ходьбы от больницы. В викторианские времена тут находился подземный общественный туалет, а в восьмидесятых годах прошлого века из него сделали рок-н-рольную забегаловку. Маленькие, тесно поставленные столики, всюду концертные флаеры, афиши туров и граффити. Сатти в углу втолковывал что-то одному из посетителей. Для пущей доходчивости, подняв собеседника за уши и прикладывая его головой об стену в ритме барабанного боя.

Потом увидел меня и, изобразив трагическую мину, прокричал сквозь музыку:

— Надо же! Мистер Великая Депрессия собственной персоной. За пивом пришел, вместо того чтобы в очереди за хлебом стоять?

— Вик хочет с тобой поговорить.

Сатти кивнул, опустил посетителя на землю и велел ему исчезнуть.

— Странно, не находишь?

— Что странного? — Я проводил взглядом бедолагу, потирающего уши.

Сатти вытер бровь и отмерил мне порцию землисто-желтой ухмылки:

- Что Вик настолько предпочитает меня тебе.
- Да, странно. Он сегодня разговорчивый...
- Да ну?

Сатти было непросто удивить, а эта новость определенно привлекла его внимание.

- Может, пробил его час. Что сказал?
- Чтоб я пустил свою жизнь под откос.

Сатти фыркнул и вернулся к своему бокалу:

- Да ты уже перевыполнил его наказ.

Глядя на то, как Сатти пьет, было сложно не согласиться.

Телосложением мой напарник напоминал фляжку для спиртного. Массивная голова, плотно сидящая на широких плечах, и зловонное от виски дыхание. У него было странное, даже отталкивающее лицо. Бескровно-белое с какими-то буграми. Однако оно соответствовало его характеру — этакий ярлык на пакетице с крысиным ядом. Сатти никогда не гладил свои костюмы, ткань так натягивалась на его телесах, что казалась идеально отглаженной. Он со стуком опустил на столик бокал и посмотрел на меня так, будто впервые видит:

— А может, ты просто решил устроить себе выходной? Твоя бывшая ведь тут работала?

— Давно уволилась, — сказал я, ища в карманах записку Вика.

— Одна из многих. Наверное, потому, что ты слишком часто сюда захаживал.

- Или кто-то из нас двоих.

Я наконец нашел сложенный листок.

— Угу, — буркнул Сатти, изучая его. — Жаль, нельзя ему руки за спиной связать. — Он взял пиджак с барного стула и втиснулся в него, как в смирительную рубашку. — Ну, веди тогда, гендеркинд, к своему хренмобилю.

- Увы, я пешком, — ответил я.

— Тогда я беру такси. Ты со мной. Как только Вик снова закемарит, продолжишь дежурство.

Я кивнул и пошел за ним к выходу.

Мы поднялись по ступенькам на улицу и поймали такси. Всю дорогу смотрели на проплывающий мимо город. Волонтеры из благотворительных организаций подходили к бомжам с ошалелыми взглядами. Упившиеся юнцы хорохорились по пути из одного паба в другой. Девушки скользили стайками по улицам, до упаду смеясь над жизнью. Раньше мы так и патрулировали улицы, но с тех пор все изменилось. Сатти сидел рядом и с ворчанием втирал в ладони антисептический гель. Он приканчивал по пузырьку в день, но почему-то для полной чистоты этого не хватало. Иногда мне казалось, что он пропитывается алкоголем через поры в коже.

Двое мужчин заносили в больницу девушку-подростка без сознания, держа ее словно скатанный в рулон ковер. Мы вошли в вестибюль. Свет на мгновение погас, но тут же зажегся. Я огляделся. Уличная резня, драки, ножевые ранения... Растерянные, потрясенные люди. Пьяные, под кайфом, с травмами, после которых их жизнь не будет прежней. Болезненно тощие матери-одиночки на продуктовом пособии, болезненно одутловатые младенцы. Мы оба обернулись на шум. Девушка очнулась, вырвалась из рук благодетелей и бросилась обратно на улицу. Единственный разумный человек.

Нокс Дж.

Н 79 Блуждающий в темноте : роман / Джозеф Нокс ; пер. с англ. Е. Матвеевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-20571-0

Первые на русском — новое продолжение «лучшего британского дебюта в жанре детектива за долгие годы» (*Crimescene Magazine*), «нуар острый как бритва, нечто совершенно из ряда вон» (Ли Чайлд). Первый роман про Эйдана Уэйтса, «Сирены», стал в Англии главным бестселлером среди детективных дебютов года (тираж 100 тыс. экз.), был переведен на 18 языков, и в настоящее время студия *Lookout Point* («Подходящий жених», «Джентльмен Джек») готовит экранизацию всей трилогии.

Детектив-констебль Эйдан Уэйтс и его напарник детектив-инспектор Сатклиф временно сняты с привычного ночного патрулирования. Им поручено дело поважнее: караулить у больничной койки доживающего последние дни Мартина Вика — массового убийцы, окрещенного журналистами Лунатиком. Вик утверждает, что не помнит, как убивал, — якобы уже очнулся весь в крови; отсюда и прозвище. Но когда отключение электричества погружает больницу (а с ней и полгорода) во тьму, неизвестный злоумышленник совершает дерзкий налет на тщательно охраняемую палату Вика — и последние слова Лунатика отправляют Эйдана Уэйтса на поиски самого настоящего сердца тьмы...

«Джозеф Нокс — главная надежда британского криминального романа, а „Блуждающий в темноте“ — возможно, лучшая его книга» (*The Times*).

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЗЕФ НОКС
БЛУЖДАЮЩИЙ В ТЕМНОТЕ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Александра Питчер
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.02.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-RBD-29460-01-R